

Магистраль. Главный тренд

Дэйв Уоллис

Выжили только влюбленные

«ЭКСМО»

1964

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Уоллис Д.

Выжили только влюбленные / Д. Уоллис — «Эксмо»,
1964 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-228218-8

Дэйв Уоллис – английский писатель, прославившийся благодаря своему роману-антиутопии «Выжили только влюбленные». В середине 60-х книгу планировали экранизировать с участием музыкантов из группы The Rolling Stones, однако фильм так и не был снят. В Великобритании начинается эпидемия самоубийств. С каждым днем все больше взрослых людей решают поставить точку. Вскоре Лондон остается на попечение подростков. Эрни со своей бандой вламывается в опечатанные квартиры, устраивает вечеринки и наслаждается свободой. Вот только запасы консервов тают на глазах, бензин становится на вес золота, а в домах навсегда отключается свет. Банде Эрни придется сразиться с могущественными Королями, оккупировавшими Виндзорский замок. А затем, спасаясь от чумы, уехать из города и попытаться выжить в схватке с природой. Есть ли у нового мира шанс на будущее? Роман «Выжили только влюбленные» понравится вам, если вы остались под большим впечатлением от антиутопий «Повелитель мух» Уильяма Голдинга и «Слепота» Жозе Сарамаго, а также от книги «Заводной апельсин» Энтони Берджесса. Книга издается в мягкой обложке с клапанами, которые можно использовать как закладки. Вы никогда не потеряете место, на котором остановились. Для усиления тактильных ощущений при взаимодействии с книгой некоторые элементы изображения на обложке выделены объемным лаком.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-228218-8

© Уоллис Д., 1964

© Эксмо, 1964

Содержание

Вступление. Детишки правят бал	7
Часть 1. Хрычи ставят точку	10
1	10
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дэйв Уоллис
Выжили только влюбленные

Dave Wallis
Only Lovers Left Alive

© 1964 by Dave Wallis + This edition published by arrangement with Valancourt Books and Piergiorgio Nicolazzini Literary Agency (PNLA)

© Тулаев В. Н., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Вступление. Детишки правят бал

Идут годы, и «Выжили только влюбленные» – скандальный пионер жанра подростковых антиутопий – продолжает неотвратимо стареть. Хотя роман во многом обязан своей известностью интригующим зловещим «Роллинг Стоунз», за прошедшие десятилетия с его названием неоднократно связывали и таких разноплановых деятелей культуры, как музыкант Джим Моррисон, создатель графических романов Грант Моррисон и режиссер Джим Джармуш. Тем не менее автор, Дэйв Уоллис, вероятно, сильно удивился бы, узнав, насколько притягательным и даже культовым стало его произведение, особенно если учесть, что оно не переиздавалось более трех десятилетий.

Роман посвящен приключениям подростковой банды с Сили-стрит, борющейся за выживание в постапокалиптическом Лондоне шестидесятых годов XX века. Все взрослое население сводит счеты с жизнью, привычная цивилизация рушится, молодежь брошена на произвол судьбы. Автор прямо не объясняет причины таинственного шквала самоубийств, однако дает намеки: так называемые «хрычи» столкнулись со своеобразной формой экзистенциальной опустошенности, бактериям которой еще предстоит поразить молодое поколение. Страна погружается в катаклизм войн подростковых банд, болезней и голода, и ребята с Сили-стрит вынуждены бежать на север Британии, где их испытывает на прочность дикая природа.

Впервые роман был опубликован в 1964-м, после битвы субкультур модистов и рокеров. Мрачный сюжет можно истолковать как попытку эксплуатации медийной истерии вокруг бесчинствующих подростковых банд, однако многое говорит за то, что Уоллис вынашивал более серьезный литературный замысел. Первый его роман, в какой-то степени автобиографический «Tramstop by the Nile»¹, вышел в 1958-м, а вслед за ним, в 1959-м, увидел свет второй – «A Girl with Class»². Продажи оказались весьма скромными, и Уоллису пришлось дополнительно зарабатывать на жизнь, преподавая английский и французский.

Родился он в Лондоне, в 1917-м, в семье, принадлежащей к благополучной верхней прослойке среднего класса. После Первой мировой Уоллисы переехали в Монреаль, однако затем, попав в стесненные обстоятельства, вновь вернулись на родину – биржевой крах 1929 года причинил отцу Дэйва, маклеру фондового рынка, серьезный финансовый ущерб.

Дэйв Уоллис и сам не избежал подросткового бунта, выразившегося в присоединении к Коммунистическому союзу молодежи, чем привел в ужас отца. Завербовавшись в 1940-м в войска связи, до конца Второй мировой Дэйв отбывал воинский долг в Египте. Позднее он рассказывал о происшествии, изменившем его жизнь во время службы: «Нам скомандовали “вольно”, а потом на плац вышел старый, по-отечески заботливый старший сержант. Он заявил: “Дорожное движение в Каире очень хаотичное, поэтому, если вам случится сбить пешехода, остановитесь и дайте задний ход, чтобы уж окончательно его прикончить. Так вы избавитесь от бюрократической тяготы по заполнению кучи бланков”». Возмущенный Уоллис навсегда запомнил расистское выступление «добряка» сержанта как боевое столкновение с настоящим врагом.

К началу шестидесятых Уоллис уехал из Лондона, решив начать работу над третьей книгой. Находясь в Эссексе, он подружился с австралийским писателем Джеком Линдсеем, принадлежащим к кружку деятелей культуры, исповедующих левые взгляды. Именно строка из дионисийской поэмы Линдсея «Возрожденная земля», написанной в 1926-м, и дала название новому роману Уоллиса – «Выжили только влюбленные». Помогло и знакомство Линдсея

¹ Может быть переведено как «Трамвайная остановка на берегу Нила». В РФ роман не издавался (здесь и далее прим. перев.).

² Может быть переведено как «Девушка с хорошими манерами». В РФ роман не издавался.

с Энтони Блондом, когда издатель отказал в публикации «Влюбленных». Независимое издательство Блонда предложило свои услуги, и роман Уоллиса оказался чрезвычайно успешен в финансовом плане, выдержав издания в Америке и во Франции, а также несколько последующих публикаций в формате мягкой обложки.

Блонду даже удалось продать права на экранизацию кинокомпании «Эссошиэйтед Бри-тиш Пикчерс» еще до первой публикации книги. К августу 1965-го Николас Рэй (известный по фильму «Бунтарь без причины») был назначен режиссером, а сценарий написала Джиллиан Фриман («Парни в кожанках»). В то время менеджеры «Роллинг Стоунз» Аллен Кляйн и Эндрю Луг-Олдхэм находились в поиске проекта, который позволил бы группе составить конкуренцию «Битлз», добившимся значительного успеха в кинематографе. Луг-Олдхэм предлагал «Заводной апельсин», однако выяснилось, что права на его экранизацию недоступны, и тогда Кляйн остановил выбор на «Влюбленных», посчитав их приемлемой альтернативой для образа «плохих парней».

В мае 1966 года в музыкальной прессе прошло сообщение: Кит Уотерхаус и Уиллис Холл (сценаристы фильма «Билли-лжец») собираются приступить к новому сценарию, для саундтрека к которому «Роллинги» запишут семь композиций. Однако Николас Рэй вышел из проекта, и работа над сценарием застопорилась. Команда, задумавшая снять фильм, столкнулась с юридическими проблемами. Уоллис, находившийся в то время во Франции, получил от второй жены новости о запуске проекта «Рок-н-рольный цирк “Роллинг Стоунз”». Известно, что она высказала Дэйву такое мнение: «Не могу считать начинание серьезным, если в нем участвуют такие люди». По всей видимости, Дэйв прислушался к жене. К лету 1967 года Мик Джаггер и Кит Ричардс оказались втянуты в печально известный судебный процесс по делу о наркотиках в «Редлендс»³, после чего Уотерхаус и Холл начали судебное преследование Кляйна в связи с невыплатой им гонорара. «Стоунз» без лишнего шума отказались от заманчивой идеи, и роман до сего дня остается неэкранизированным.

До конца шестидесятых Уоллис вел кочевой образ жизни. Попутешествовав по Европе, Южной Америке и Канаде, он вернулся в Англию, где устроился учителем в Колчестере. В дальнейшем он напишет лишь еще один роман – «Bad Luck Girl»⁴ в 1971 году. На этом, если не считать нерегулярных публикаций в газете «Morning Star», литературная его деятельность, по сути, завершилась. Впоследствии у Уоллиса диагностировали болезнь Паркинсона, и он скончался в 1990 году.

После первого издания «Влюбленных» на Уоллиса обрушилась волна критики в прессе за то, что подростков он якобы представил хулиганами и нигилистами. На самом деле, если абстрагироваться от встревожившего публику насилия, мы увидим в книге вполне сочувственное и, в конечном счете, оптимистическое изображение жизни подрастающего поколения. Буколические последние главы романа, намекающие на самодостаточность подобного существования и неприятие промышленной революции, говорят нам, что автор придерживался социалистической повестки. Работающий в русле ситуационизма журнал «Heatwave» распознал этот подтекст, написав в пророческой рецензии 1966 года, что роман «... вполне может оказаться культовым для нового революционного социализма, его идеологии, мифологии и фольклора». Пойдем дальше и скажем: политический идеализм «Влюбленных» сыграл значительную роль в создании его культовой привлекательности.

«Влюбленные», безусловно, заслужили репутацию книги, серьезно взволновавшей бунтарей-подростков и радикальных интеллектуалов, однако сможет ли творение Уоллиса привлечь новое поколение последователей теперь, по прошествии пятидесяти лет? Ответ себе

³ Дом Кита Ричардса в Западном Сассексе.

⁴ Может быть переведено как «Невезучая девушка». В РФ роман не издавался.

сам на этот вопрос, читатель, воспользовавшись возможностью прочесть последнее издание «Влюбленных». Роман твой, революция тоже!

*Эндрю Таллис*⁵
2015

*Представь, все ставят точку в сорок пять...
Все – кроме бардов и поэтов утонченных.
Кто ж будет их таланты прославлять
В мире, где выжили только влюбленные?*⁶
Джек Линдсей

⁵ Эндрю Таллис – шотландский писатель и кинорежиссер.

⁶ *Прим. ред.* – в книге Уоллиса в первых строках эпитафии звучит «сорок пять» (в смысле сорок пять лет), а у Линдсея все же, кажется, «двадцать пять», хотя прямо оригинальный текст найти все-таки не удалось, только упоминания. Пока оставили как у Уоллиса, «сорок пять», однако по смыслу должно быть «двадцать пять».

Часть 1. Хрычи ставят точку

1

– Итак, в среднем за год счеты с жизнью сводят около пяти тысяч жителей Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, – поведал классу мистер Оливер за полчаса до того, как покончить с собой, и положил на стол копию ежегодного статистического отчета со штампом *«Общеобразовательная школа района Сили. Из библиотеки не выносить»*.

Жуткая цифра была воспринята подростками столь же бесстрастно, как и начавшийся на улице дождь. Мальчики и девочки старшего шестого класса продолжали внимать преподавателю с вежливым равнодушием.

– Довольно интересная статистика, – бодро сказал мистер Оливер.

У него порвался шнурок на левом ботинке, и, стараясь не уронить его с ноги, передвигался педагог, приподняв пальцы вверх.

– Интересная статистика... – повторил он.

Едва не сделал шаг к первым партам, однако вовремя вспомнил о порванном шнурке и просто слегка наклонился вперед.

Кэти Уильямс подняла голову, качнув башенкой белокурых волос на макушке, и переменила позу, скинув левую ногу с правой. Мальчики затрепетали, представив себе едва слышный шипящий звук трущихся друг о друга нейлоновых чулок, обтягивающих длинные стройные ножки Кэти.

– Почему не больше и не меньше? – спросила она. – Почему не пять сотен, или, например, пять миллионов?

– Или всего пять, – добавил парнишка, осторожно пробуя лишь недавно прорезавшийся басок.

– В том-то и дело, – кивнул мистер Оливер. – Вот где кроется загадка. Никто точно не знает ответа на ваш вопрос. Говорят лишь, что... как сказать?... такое количество самоубийств соответствует степени социального давления.

Еще пара учеников заинтересованно блеснула глазами; кто-то откашлялся, готовясь взять слово.

– О, разумеется, нет сомнений, что любой психолог найдет убедительное обоснование для каждого отдельного случая – ведь материала для изучения набралось немало. Однако объяснить, почему самоубийц так много, он сможет не лучше, чем мы. Ну-с, теперь слово за вами...

Говорил бы и говорил себе до звонка... Кого интересует перспектива обсуждения множества психов, решивших поставить точку в собственной жизни, тем более когда дискуссию затеял полный придурок?

Кэти Уильямс, проявив интерес к теме, ненадолго перешла в лагерь противника и теперь жалела старика Олли. Она повелительно глянула на Роберта Сенделла – пожалуй, едва ли не самого послушного и сообразительного, хоть и самого прыщавого своего поклонника. Облизнув губы, тот покорно забормотал:

– В к-к-каком... в каком возрасте они чаще всего ставят точку, сэр? Я имею в виду – это в основном молодежь? Ну, то есть... э-э-э...

В классе захихикали, и вспыхнувший Роберт замолчал. Парочка парней обернулась к нему, приставив к виску палец наподобие пистолета.

– Нет, боюсь, по возрасту статистика не подводилась, – ответил Оливер. – В любом случае вряд ли среди самоубийц много молодых. Конечно, периодически появляются новости о

поставивших точку в жизни студентах, но тут виной может быть безответная любовь... Видите ли, на самом деле я поднял эту тему из-за репортажа в сегодняшнем номере «Таймс». Наверное, вы его тоже видели?

Не дождавшись ответа, Оливер продолжил:

– На этой неделе министру здравоохранения представят на рассмотрение годовой отчет, в котором, как ожидают, ситуация будет изложена четко и наглядно. Говорят, у двух парламентариев имеются вопросы относительно наметившегося небольшого роста темпов самоубийств в некоторых районах. Вероятно, они привяжут печальную тенденцию к критике жилищной стратегии правительства, хотя никаких официальных шагов, по всей видимости, не последует. Лидер оппозиции, как известно, не одобряет набора политических очков на смертях несчастных людей. Полагаю, еще многие выберут путь римлян, пока его отношение не изменится...

Прервав речь, Оливер обратился к классу с вопросом:

– Кто догадался, что я имею в виду под «путем римлян»?

Он окинул учеников бодрым взглядом, умудрившись никому не посмотреть в глаза. Класс молчал. Струи дождя стегали стекла больших окон и ползли вниз, сливаясь в полупрозрачную водяную завесу, от чего шиферные крыши и маленькие дворики далеко внизу были словно окутаны серой пеленой. Все вдруг заинтересовались внезапным порывом ветра.

– Римляне одобряли самоубийство, – подал голос парнишка с баском.

– Ну, насчет одобрения сказано слишком сильно, – заметил Оливер, – хотя, безусловно, они суицид и не порицали, считая его правом человека. С возникновением христианства, конечно...

Вялая дискуссия продолжалась еще некоторое время, пока стекла в двери не задрезжали от пролетевшего по бесконечным коридорам пронзительного звонка, многократно усиленного электроникой.

– Спасенные звонком... – громко прокомментировал высокий юнец.

Остальные, как будто извиняясь перед учителем, вежливо попрощались хором:

– Хорошего вечера, сэр!

Целебная рутина привычной работы после уроков манила, однако Оливер, подойдя к окну и окинув взглядом безликие улицы огромного города, на миг погрузился в пустоту и безвременье. Подчеркнутая вежливость учеников лишь усугубляла боль от неудачного дня. Он невольно мысленно продолжил вроде бы завершившуюся дискуссию. Ответы на возникающие вопросы лежали не в области научных обобщений – тут следовало копать глубже, и дети, с их инстинктивной честностью и непосредственным восприятием реальности, это чувствовали. Чем он занимается на экзаменационной фабрике? Какие знания, которые он пытается вложить в сознание подростков, представляют для них хоть малейшую ценность?

«Очень немного требуется, чтобы уничтожить человека; стоит лишь убедить его в том, что дело, которым он занимается, никому не нужно», – писал Достоевский.

Еще годков двадцать работы, потом несколько лет на пенсии, когда не знаешь, к чему себя приложить, потом проблемы со здоровьем, боль, унижение больничной палатой и наконец смерть. Есть ли смысл ждать так долго?

– *Погоди, ты просто устал, вот и нагнетаясь*, – сказал себе Оливер, однако подсознание тут же возразило: *Билл Оливер, ничто в жизни не приносит тебе настоящего удовлетворения, и так будет всегда*.

Ну да. Кому нужна такая жизнь? Господи, как здесь душно... Надо бороться, вот в чем соль. Сейчас он глотнет свежего воздуха, потом спортивным шагом пройдет в свой кабинет, выпьет чашечку чая и поболтает со стариком Стэйном. Самые пустяковые и банальные, на первый взгляд, действия обязательно развеют мрачные мысли.

Оливер открыл окно и еще сильнее ощутил спертую атмосферу классной комнаты – воздух, много раз прошедший через легкие, напитанный запахами разогретой на батареях пыли

и мела, к которому примешивалось амбре его собственного тела немолодого мужчины. Дождь хлестнул в лицо, и Оливер с наслаждением перегнулся через подоконник навстречу непогоде, словно за окном его манил солнечный весенний день. На город уже опустились зимние сумерки, и в шестидесяти футах внизу, на мокром асфальте, играли холодные отблески света из соседних домов.

– *Ах, Билли... Он переутомился, как он устал, бедный мальчик...* – с удивлением услышал Оливер собственный, по-детски хнычущий голос. Странно, как быстро он замерз – конечно, замерз, иначе отчего дрожит всем телом? – *Ты ведь точно знаешь, что сегодня все не так, как раньше,* – продолжил внутренний голос. Оливер уже не понимал, что говорит про себя, а что – вслух. *Любая мысль сопровождается почти неощутимыми движениями надгортанника...* Кто это подумал? Да, это он, директор школы Билл Оливер. Однако, если движения неощутимы, кто сделал подобное открытие? Ну конечно, умнейшие логики и ученые, они ведь способны описать любой жизненный процесс, хотя ни слова не скажут о его предназначении. В любом случае очко в их пользу. И то же очко, похоже, следовало бы отнять у министра образования из-за тарифной сетки учительских зарплат и сводящих с ума однообразных уроков, а также у тех, кто преуспел в жизни, тогда как Оливер потерпел неудачу. *Бедный Билли, он замерз...* – забубнил внутренний чревовещатель где-то над левым плечом. Металлическая окантовка подоконника впиалась в голень. *Не обращай внимания,* – посоветовал бодрый голос – вроде бы его собственный. *Бедный Билли, он падает,* – захныкал кто-то, летящий рядом.

Здание школы встало на дыбы, заскользило, а затем опрокинулось вверх ногами. В окне пятого этажа Оливер заметил Кэти Уильямс, ведущую заседание в кабинете старост. Успел бросить взгляд в класс мисс Пирс – та что-то вещала, а два мальчика на задней парте вертелись и не слушали. Он вдруг ощутил желание вернуться внутрь, в теплый уют гнетущей жизни. Сквозь свист ветра и невольное жалобное поскуливание пробила мысль: *ты и представить себе не мог, что вдруг появится время все осмыслить...*

Мимо проплыли матовые окна раздевалки. Почти прибыли! *Ну что, дурачок, на этот раз ты сумел поставить точку,* – заявил знакомый голос. Его собственный? А потом все теснившиеся в голове голоса разом закричали от страха, когда внутри нее раздался взрыв такой силы, какую нельзя постигнуть умом. *Однако странный феномен, почему взрыв внутри, ведь должен быть снаружи?* – успел подумать Оливер, после чего перед его глазами опустился самый глухой и черный в мире занавес. Финал не успокоил и не напугал, лишь принес ощущение высшего отрешения и окончательности.

Дождь смыл кровь, и первые прибывшие, молча сгрудившиеся вокруг тела, увидели маслянистые, покрытые пятнами и блестящие, словно серый мрамор, извилины мозгового вещества. Один ботинок улетел, и его позже нашли на удивление далеко от места происшествия.

Самоубийство выделило этот вечер из других – будто в Вестминстерском дворце вместо заседания парламента вдруг прошел концерт Криса Барбера⁷. Все начали перезваниваться друг с другом еще до того, как кончилось шоу Тренора Макдональда и мамы принялись нудить, что нужно, мол, вытереть посуду и убрать ее в шкаф.

Самое отвратительное правило, выдуманное взрослыми, гласило: девочка может звонить только подружкам, мальчики – подружкам или друзьям, но девочка ни в коем случае не должна звонить мальчику. Разумеется, бывали исключения в зависимости от семейных обстоятельств, домашних обязанностей и часа, когда заканчивали работу те подростки, что расстались со школой в пятнадцать лет, и так далее.

Уже в течение часа шайки, банды и ватаги начали собираться в кафешках и кофейнях района. Одна разнородная стайка сгрудилась у музыкального автомата в «Тропической ночи».

⁷ Известный английский джазовый музыкант.

Вопреки взглядам социологов, специалистов по педагогической психологии и психологической педагогике стайка состояла из двух противоположностей, разделенных непреодолимым барьером субъективных предрассудков. Здесь отъявленные прогульщики и полукриминальные элементы, покинувшие школу после четвертого старшего класса (с навешенным на них ярлыком «лиц с ограниченными способностями», каковыми они, конечно, и являлись, хотя в деле угона мотоциклов или краж из магазинов «Wooly's» не знали себе равных), составили компанию интеллектуалам, претендующим на получение аттестата зрелости. Две эти маленькие ячейки сообща образовали настоящую элиту, сочетающую ум и дерзость, и обе – каждая по-своему – жили для того, чтобы вырваться из-под надоевшей опеки. За пределами школьных стен способности к учебе мало что значили; важнее был тот, у кого выше кок и уже джинсы. Две совершенно разные социальные группы на некоторое время удерживало вместе взаимное уважение.

– Видать, беднягу доконали собственные разговоры о самоубийствах, – заявил Эрни Уилсон.

Его слушали почтительно: три недели, проведенные в следственном изоляторе, – это репутация.

– Все ваши тупые учителя когда-нибудь повыпрыгивают из окон. Только полные лопухи берутся за такую работенку.

– Вспомни, как он обычно одевался, – сказал элегантный Чарли Бэрроуз, бросил взгляд в зеркало за стойкой и сдвинул на лоб изящно завитую челку.

На Эрни Уилсоне, как обычно, была черная куртка из синтетической кожи, вполне пригодная для поездок за Полярный круг. Для выхода в «Тропическую ночь» он надел тонкие джинсы в обтяжку, нейлоновые носки и мягкие остроносые ботинки. Ему не слишком нравилось, что разговор невольно перекинулся на шмотки; пришлось пресечь ненужную тему старинным жестом кокни с оттопыренным указательным пальцем, который современное поколение отчего-то считало собственным изобретением.

– Оливер всегда был нормальным хрычом, ничем от других не отличался. А тут вдруг съехал на рассуждения о гражданских правах и самоубийствах, и у него снесло крышу, понимаете? Вот он и поставил точку. Чистая психология, ясно?

Эрни уселся в своем фирменном стиле на высокий табурет, словно на стул в углу боксерского ринга, и зыркнул по сторонам. После второго ареста в четырнадцать лет он приобрел привычку всегда садиться лицом ко входу, поэтому первым заметил мистера Теллена из районной газеты – тот заглядывал в кофейню сквозь запотевшее стекло входной двери.

– Смотрите, там чувак из местной газетенки. Нормальный парень. Сказал моему папаше, что не будет мусолить мое имя в своем листке. Старик собирался сунуть ему за это целый фунт. Хорошо, я сказал – мол, суд по делам несовершеннолетних имя осужденного так и так не разглашает.

Кэти Уильямс, нарядившаяся по случаю выхода в клетчатые чулки, просторный свитер и туфли на острой шпильке, качнула ногой и помахала маячащей в окне фигуре в черном пальто и тирольской шляпе. Фигура махнула в ответ и открыла дверь.

– Он неправильно написал мое имя, когда я выиграла соревнование по прыжкам в высоту, – буркнула Кэти. – Потом, правда, так мило извинился...

– Ну а как же, – хмыкнул Чарли Бэрроуз.

Мистер Теллен с улыбкой приблизился к компании, снял очки в тяжелой черной оправе и протер запотевшие линзы. Одевался он опрятно и современно, хотя подобные наряды больше пристали бы человеку лет на десять младше. Надев очки, газетчик улыбнулся еще шире, так что его лицо будто разбилось на мелкие фрагменты. Мистер Теллен носил черные усы и в очках напоминал менеджера из рекламы авиакомпаний. Поля его зеленой шляпы с перьями были загнуты вниз, скрывая морщины на невысоком лбу.

– Так-так, – вздохнул он и, замявшись, не нашел правильного обращения к разношерстной группе. – Плохие новости, ребяташки...

– Уж куда хуже, парнишка, – ответил Чарли.

Эрни придвинулся на табурете к стойке бара и, изобразив тяжелый взгляд злодея из вестерна, протянул:

– Чего ты хочешь, детка?

Мистер Теллен оседлал своего профессионального конька:

– Полагаю, молодые люди, вам известен... э-э-э... вы знали мистера Оливера? В среду коронер начнет расследование – так мне сообщил источник. Видимо, несчастный случай? Вам не кажется, что подоконники в классах расположены слишком низко? Школу когда-нибудь посещала строительная инспекция? Наверное, у вас был серьезный шок, дети? Простите, что забросал вас вопросами, но расспрашиваю не просто так. Должна ведь быть причина... Увы, я не совсем понимаю сути происходящего.

– Сам ты «дети»! Отвали, не то получишь, – проворчал Эрни, и все холодно уставились на газетчика.

Какой-то хрыч, даже не учитель, пытается лезть в школьные дела! Они отчего-то ощущали непонятную потребность защищать учебное заведение, которое ненавидели всей душой, да и покойника, хоть при жизни его презирали.

– Что-то тут есть странное, – гнул свою линию Теллен.

– Ага, твоя шляпа, – усмехнулся Эрни, и остальные расхохотались.

Так или иначе тщеславие, возбуждение, вызванное неожиданным событием, и желание быть в курсе дела взяли верх над нарочитым равнодушием, как и предполагал газетчик.

– Ну, так в чем дело? – продолжил Эрни, напустив на себя вид частного детектива. – Есть свежий покойник для твоей заметки, ты будешь на дознании, с нас-то тебе какой толк? И в чем наш интерес?

– Ну, дорогие мои молодые друзья, вы, наверное, насмотрелись фильмов о репортерах. У меня ведь не слишком большой бюджет, и газета денег на развязывание языков не выделяет. Могу угостить вас кофе – потому что получаю удовольствие от общения с молодым поколением, а не потому...

– Боюсь, удовольствие не взаимно, – перебил его Чарли.

– ...не потому что намерен сделать состояние на эксклюзивном материале, которым снабдят меня ребяташки вроде вас, – продолжил Теллен. – Итак, восемь чашечек кофе?

– Ага, и пачку сигарет на бочку, – добавил Эрни.

– Что ж, так и быть, – вздохнул Теллен.

– Двадцать штук «Player's» в выдвижной пачке, – подхватил Чарли.

– Эй, Анжелика! – хором закричали ребята, обращаясь к официантке из Вест-Индии. – Давай-ка повтори, а еще тащи пачку сигарет!

– Кто платит? – осведомилась та.

– Вот этот замечательный молодой человек в крестьянской шляпе, – заявил Чарли.

– Итак, насчет мистера Оливера, – приступил к делу Теллен.

Компания сурово притихла – только не хватало выказать жалость или, не дай бог, скорбь.

– Значит, он выпрыгнул из чертова окна. Жаль, тебе самому еще не пришло в голову поставить точку, – заговорил Эрни, приподнявшись на табурете и обводя взглядом зал, словно в ответ на аплодисменты болельщиков у ринга. – О чем тут, собственно, рассказывать? Если Оливер хотел покончить с собой, то имел на это полное право – я так думаю.

– Хорошо, но что вы о нем знаете? – покачал головой Теллен, и на носу у него смешно подпрыгнули очки. Ни дать ни взять репортер, ведущий важное журналистское расследование. – Не занимался ли он с кем-нибудь из девочек в частном порядке?

Все расхохотались, и кто-то выкрикнул:

– Старый Олли и девочки, ха! Ничего себе версия!

Теллен заморгал, однако не дал себя сбить. Подумаешь, компания подростков! Уж точно не хуже, чем вести под проливным дождем репортаж с субботнего матча местной футбольной команды.

– Может, с мальчиками? – намекнул он.

– Послушайте, что он несет! Типа старина Олли – гомик! Не пошел бы он к черту?

Беседа продолжалась примерно в таком духе, пока Теллен не заявил:

– Знаете, мне не следовало бы об этом распространяться, однако есть определенные причины, по которым печальный случай мистера Оливера считается происшествием весьма необычным.

Подростки перестали смеяться и уставились на газетчика.

– Дело в том, что тут действительно не все понятно. Я с вами предельно откровенен – доверяю молодежи, знаете ли. Вижу, вы ждете от меня объяснения.

– Крутой ты парень, – хмыкнул Эрни. – Ладно, говори, ловим каждое твое слово.

Они и в самом деле были заинтригованы.

Теллен нарочито медленно вытянул из кармана сложенный вчетверо номер известной газеты и развернул на самой популярной рубрике Элфа Соседски: «Вот как это видится мне, дружище». Восемь миллионов человек читали ее ежедневно, а по воскресеньям смотрели ток-шоу Элфа «За соседским забором». На минуту все решили, что встреча с Телленом имеет отношение к свежей статье под заголовком «Друзья, кто кладет в карман деньги, когда не работает автомат по продаже почтовых марок? Самый громкий национальный скандал после того, как я пресек рэкет премьер-министра по истекшим лицензиям на владение собаками!». Однако быстро выяснилось, что Теллен предъявил газету лишь в качестве торжественной прелюдии к важному заявлению.

– Мистер Соседски едет к нам, – сообщил он. – Его секретарь звонил в нашу редакцию, и уже через полчаса я должен встретить уважаемого гостя у входа в подземку.

Маленькая речь Теллена прозвучала столь торжественно, будто ему поручили заняться организацией приготовлений ко второму пришествию. С другой стороны, он косвенно признал, что недостойн играть важные роли, и компания первый раз за время беседы слегка к нему потеплела.

Выйдя из «Тропической ночи», они все вместе двинулись к перекрестку, где находилась станция метро, и разговор пошел вполне уважительный.

– Вы лично знаете Элфа, мистер Теллен? – поинтересовалась Кэти.

– Мы встречались пару раз по работе, но, боюсь, он меня не помнит, – признался газетчик, сознавая, что блефовать глупо – его разоблачат, как только подъедет звезда.

– Как по-вашему, что его интересует в этой истории, мистер Теллен?..

– И как только крупные газеты узнают о таких событиях?..

– Наверное, у вас интересная работа, мистер Теллен...

Подростки теперь обращались к газетчику вежливо, словно вышли на прогулку с родителями или преподавателем, забыв, как только что подначивали его в кофейне.

Наконец вопросы закончились, и воцарилось молчание.

Из-за угла вывернула машина, притормозила, и из салона выскочил Элф Соседски, запахивая на ходу замшевое пальто с расстегнутым поясом. Вслед за ним вылез высокий фотокорреспондент в очках и несвежем габардиновом костюме. Мистер Теллен поспешил к приезшему гостю, и подростки потянулись за ним. Парни изо всех сил старались держаться раскованно и независимо.

– Зацени пальтишко, – пробормотал Чарли.

– Вот и мы, мистер Соседски, вот и мы! – заулыбался Теллен. – Это мои юные друзья. Кое-кто из них лично знает... э-э-э... знал мистера Оливера. Позвал их специально для вас. – Понизив голос, он добавил: – Пришлось, знаете ли, немного на них потратиться...

– Дайте отдышаться, дружище, и я достану чертов бумажник.

– О, нет-нет, я вовсе не намекал на возмещение расходов, мистер Соседски. Просто, видите ли, поскольку они знали Оливера...

– Кто он, этот Оливер? – осведомился Соседски. – Ах да, чокнутый, который выпрыгнул из окна...

Теллен моргнул и поправил очки.

– Я думал, вам о нем что-то известно. То есть, когда позвонил ваш секретарь, я решил, что о нем имеются какие-то особые сведения, а вы, получается, даже его имени не знаете. Тогда почему же...

– Все объясню позже, дружище, – отмахнулся Соседски, поглядывая на собравшуюся вокруг них компанию.

Кивнув и улыбнувшись подросткам, он обратился к сутулому фотокорреспонденту, который, судя по всему, уже давно ничему не удивлялся:

– Давай сюда цыпочку.

– Залезай в машину, милая, – бросил тот Кэти.

– Еще чего! – возмутилась та. – За кого вы меня принимаете?

– Ах ты грязный старикашка! – набычился Эрни.

– Ребята, вы неправильно меня поняли, – пожал плечами Соседски. – Это нужно для снимка. Она будет как бы выходить из своей машины.

– А, ладно, – согласилась Кэти.

Фотокорреспондент тут же встал в стойку, согнув колено, словно уходящий от удара боксер.

– Девушка высокая, бери по бедро, – скомандовал Элф. – Наша история о скорби, а не о сексе.

– Занимайся своей работой, Соседски, а я свою без тебя знаю, – буркнул его коллега.

– Следи за языком, Гарри, – отрезал тот.

– Отлично, дорогая, одну ногу вперед. Смотрим на меня, улыбаемся. Нет, не так. Грустно, но уверенно. Представь, что говоришь: «Он был хорошим учителем, нам будет его не хватать». Да, печальная улыбка – ты тоскуешь по любимому учителю.

– Эй, не указывай, что ей говорить! – пробурчал Чарли. – Почем брали пальто, мистер Соседски?

– У меня этими вопросами занимается финансовый директор, – ответил журналист. – Мои кошки от этого пальто сходят с ума. Итак, что вам известно?

Рассеянно выслушав нехитрый рассказ, он отвел Теллена в сторону.

– Слушайте мое предложение. Не то чтобы я заинтересован именно в сегодняшней истории, но... Я прошу вас следить за случаями суицида в пределах зоны деятельности вашей газеты. С подробной информацией выходите сразу на меня. Мне нужно все: точные факты, возраст жертвы, способ самоубийства и так далее. Да, душевное состояние самоубийцы, имелись ли у него страхи и тревоги – вот такого рода сведения пригодятся. Полгинеи за каждый отчет, вне зависимости от того, используем ли мы его, и пять гиней за каждый раз, когда вы сообщите мне о происшествии не позднее чем через два часа. Вас устроит такой расклад?

– Конечно, мистер Соседски! Хотя в нашем районе таких случаев наберется немного.

– А именно?

– Ну, точно не скажу. Иногда ведь дознание проводится в другом округе, если жертва попала в морг тамошней больницы.

– А иной раз дознания не бывает вовсе, – загадочно бросил Элф. – Гарри, поехали! Хватит снимать цыпочку, тебе все равно никогда не стать Каршем из Оттавы⁸. У нас еще есть немного времени – может, получится наведаться на место происшествия в Саут-Эктоне.

Оба нырнули в черный «Ягуар». Соседски махнул в окно, оглянулся и, резко развернувшись, уехал.

– Зацени тачку, – сказал Эрни.

– Прикинь, как он водит, – откликнулся Чарли.

– Так что за дела, мистер Теллен? Куда это они двинули?

– Понятия не имею.

– Думал, вы, газетчики, знаете все на свете, – покачал головой Эрни.

– Нет, они знают только, как выбирать шляпы, – сострил Чарли.

– Когда обзаведетесь таким замшевым пальто, мистер Теллен?..

– Ты хотел спросить, когда мы увидим его за рулем черного «Ягуара»...

– Может, еще чашечку кофе, мистер Теллен?..

– Как насчет пачки сигарет?..

– Всего хорошего, молодые люди, – попрощался газетчик и заспешил в подземку.

– Ну, чем займемся? – спросил Эрни.

Чувство значительности момента, вызванное недавними событиями и реакцией на них Элфа Соседски, переросло у всей компании в ощущение тревожной опустошенности, словно закидываешь в рот ложку еды, а в ней оказывается лишь пена.

От перекрестка в разные стороны расходились освещенные светом натриевых фонарей, затянутые холодным ночным туманом улицы, ведущие к мирам, где из роскошных машин выпрыгивают люди в замшевых пальто и получают за это деньги.

Несколько более молодых членов стаи – лет тринадцати и около того, – жмущиеся по краям, смущенно отошли в сторонку. Уже пробило десять вечера, а их все еще пугали выговоры родителей и возможное лишение карманных денег.

Трое парней в итоге высказались за возвращение в «Тропическую ночь», девушки же предлагали посетить другое заведение. Некоторое время они обсуждали планы, согревая своими фантазиями холодный уголок улицы.

– Может, позвоним в какую-нибудь газету – не ту, с которой сотрудничает Соседски, расскажем, как он здесь шнырял? Придумаем что-нибудь по этому поводу, заработаем на сладкое, – предложил Чарли.

– Мой дядька говорил, что за эксклюзивные новости можно разжиться пятьюдесятью гинейми, – подхватил высокий парнишка в белом пальто из искусственной кожи с клетчатым воротником и подкладкой.

– Сочиним историю, почему Оливер поставил точку, да протолкнем ее газетчикам. Пробросим, что его, возможно, столкнули.

– Тогда нас возьмут в оборот копы.

– Представь, получишь сотню фунтов, если напоешь в редакции – типа ты был его любимым учеником, а он однажды начал к тебе приставать и все такое.

– Но... это ведь клевета!

– Ну, клевета. Что с того? – заявил Эрни, входя в роль киношного еврея из Бронкса. – За сотню фунтов можно раздобыть неплохую дозу, – продолжил он голосом Лоуренса Харви.

– Или, на крайний случай, приличный мопед, – добавила собственным голосом Кэти.

Видимо, ее банальное замечание испортило игру – все замолчали и, вместо того чтобы двинуться к ближайшему телефону, навстречу Флит-стрит и легким деньгам, направились в сторону дома.

⁸ Канадский фотограф армянского происхождения, мастер фотопортрета.

По пути Эрни и Кэти останавливались в знакомых темных подворотнях и затянутых густой тенью углах, где предавались не слишком уютным на холоде ласкам.

– Ладно, мне пора, – вздохнула Кэти. – Мама меня убьет, если я опять вернусь поздно.

В этот вечер она была с Эрни. В их банде строго воспрещалось иметь постоянные отношения. Если ты нарушал запрет, тебя не исключали – ты уходил сам. Эрни снова запустил руку в лифчик, и Кэти отстранилась.

– Нет... Я ведь сказала – мне пора.

– Почему моя мать обо мне так не беспокоится? – покачал головой Эрни.

– Ты мальчик, а это совсем другое дело.

Он отпустил Кэти. В банде подобные вопросы регулировались определенным кодексом. Девушка кое-что ему уже позволила, а коли говорит «нет», значит, неволить ее нельзя.

– Бедный старичок Олли, – пробормотала Кэти, пока они шли к подъезду.

– Представляешь, если все хрычи выпрыгнут из окон, – хмыкнул Эрни.

2

В школе состоялось особенное собрание, на которое ученики младших классов допущены не были. Собрание прошло под лозунгами «Хорошо, добрый и верный раб»⁹ и «В доме отца моего обителей много»¹⁰. Весь коллектив школы отнесся к смерти Оливера как к несчастному случаю, а в расписание уроков экстренно внесли необходимые изменения.

После уроков Кэти засела в комнате для старост, покачивая длинной ногой. Экземпляр газеты Элфа Соседски передавали из рук в руки.

– Хм, ни слова, – пробормотал Чарли Бэрроуз. – Ни единого словечка. Где же фото, на котором ты вылезает из машины?

Словно пытаясь убедиться в отсутствии информации, они еще раз уткнулись в материал Элфа: *«Жена все еще штопает твои носки, дружище? Мое новое расследование показывает: богатство теперь течет к твоим ногам, как штопальная игла, прилипающая к катку, которым сгребают металлолом на свалку»*. Молчание Элфа казалось странным, и его следовало обсудить.

– И так во всех газетах – полная тишина, – подытожила Кэти.

– Давайте наберем Теллена, спросим.

– О чем мы его спросим?

– Ну... где он берет такие смешные шляпы.

– Хватит тебе уже об этой шляпе, Чарли! Я серьезно. Происходит что-то подозрительное.

– Давай тогда позвоним в Интерпол.

Дальше началась обычная клоунада.

– Пошли-пошли. Надо позвонить Теллену...

– Отлично, но четыре пенса платишь ты...

– Вызываю все экипажи, вызываю все экипажи: у кого есть четыре пенса? Прием...

– У меня есть, прием...

– Вас понял. Встречаемся у телефонной будки, на углу Веллингтон-роуд. Отбой...

У будки сгрудились семь или восемь человек из банды, а еще трое втиснулись внутрь.

Звонить вызвалась Кэти.

– Можем мы... то есть могу ли я поговорить с мистером Телленом?

⁹ Евангелие от Матфея 25:21.

¹⁰ Евангелие от Иоанна 14:2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.